

В характеристиках князей нет никаких оттенков и переходов, создающихся противоречиями внутренней жизни. Все добродетели князя точно определены, все пороки его исчислены, их может быть больше или меньше, но качественно они все одни и те же. Все они ясны, отчетливы, просты. Их скорее мало, чем много. Летописцы как бы избегают всего расплывчатого, неясного, создают как бы эмблемы и символы феодального порядка. Они пишут так же, как и иконописцы, — изображения для поклонения или, напротив, для осуждения. Их главное внимание уделено личностям феодалов, но самые эти личности служат как бы только олицетворениями существующих порядков — сложной феодальной лестницы и ее незыблемости.

Во второй половине XIII или в начале XIV века неизвестный автор, рязанец по происхождению, вспоминая рязанских князей минувших времен могущества и независимости Руси, следующим образом охарактеризовал этот уже уходящий к тому времени в прошлое идеал князей: „Сии бо государи рода Владимира Святославича — сродника Борису и Глебу, внучата великаго князя Святослава Ольговича Черниговьского. Бяше родом христоролюбивыи, братолюбивыи, ледем красны, очима светлы, взором грозны, паче меры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы, к приеждим приветливы, к церквам прилежны, на пиrowанье тщивы, до осподарьских потех охочи, ратному делу велми искусны, к братье своей и ко их посолником величавы. Мужествен ум имеяше, в правдеистине пребываста, чистоту душевную и телесную без порока соблюдаста. Святого корени отрасли, и богом насажденаго сада цветы прекрасныи. Воспитани быша в благочестии со всяцем наказании духовнем. От самых пелен бога возлюбилы. О церквах божиих велми печашеся, пустошных бесед не творяще, срамных человек отвращашеся, а со благыи всегда беседоваша, божественных писаниих всегода во умилении послушаше. Ратным во бранех страшениа ивляшеся, многия враги, востающы на них, побежаша, и во всех странах славна имя имяща. Ко греческим царем велику любовь имуща, и дары у них многи взимаша. А по браце целомудрено живяста, смотряющы своего спасениа. В чистой совести, и крепости, и разума предержа земное царство и к небесному приближаяся. Плоти угодие не творяще, соблюдающы тело свое по браце греху непричасна. Государьский сан держа, а посту и молитве прилежаста; и кресты на раме своем носяща. И честь и славу от всего мира примаста, а святяа дни святого поста честно храняста, а по вся святяа посты причащастася святых пречистых бесмертных таин. И многи труды и победы по правой вере показаста. А с погаными половцы часто бяшася за святяа церкви, и православную веру. А отчину свою от супостат велми без лености храняща. А милостину неоскудно даяше, и ласкою своею многих от неверных царей, детей их и братью к собе примаста, и на веру истинную обращаста“.¹ В этой характеристике всё собрано, всё сосредоточено, до предела сжато и выпукло, как в каменной рези владими́ро-суздальских соборов. Каждая черта до предела обобщена и продумана, каждая деталь — следствие работы мысли многих поколений, создавших свой идеал князя, его поведения, его внешнего облика. В этой монументальной характеристике рязанские князья обрисованы такими, какими они должны казаться людям: своей братье, их послам, дружине, боярам и врагам. Куда ни

людые пожалыша си по немь повелику, уности его ради“. Здесь, очевидно, имеется в виду народный плач, — следовательно, и не официальная летописная точка зрения.

¹ Труды ОДРА, т. VII, 1949, стр. 300—301.